

Памяти Эдварда Вишневого, друга и коллеги

Я познакомился с Эдвардом Вишневым в Москве в 1981 г., когда он, выиграв в Польше конкурс магистерских работ по истории СССР, получил стипендию для обучения в аспирантуре Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Его научным руководителем на историческом факультете стал профессор Е.Д. Черменский (1905–1995), известный специалист по политической истории России конца XIX–начала XX века. Насколько я знаю, у них были прекрасные доверительные отношения не только ученика и учителя, но и человеческие. И впоследствии, когда Эдвард работал над своей докторской диссертацией, Евгений Дмитриевич был его научным консультантом. Избранному тогда направлению исследований (история русского либерализма) Эдвард остался верен до конца. Уже первая его монография, к изданию которой я имел некоторое отношение, показала, что в Польше появился еще один специалист по российской истории, способный со временем встать в один ряд с такими крупными польскими историками, как Владислав Бортновский, Людвик Базылев, Мечислав Танты, Лешек Яськевич, Артур Кияс и др. И Эдвард действительно вырос в крупного, оригинального исследователя истории России, не боявшегося печатать свои монографии и статьи на русском языке в Москве. Показательно, что изданные в России труды он писал на русском языке, а потом, когда возникала потребность публиковаться в Польше, ему приходилось переводить их на польский язык. Эдвард прекрасно знал не только литературу (у него богатая библиотека по русской истории), но архивы, причем не только Москвы, Петербурга, Варшавы и Лодзи, но и уральского города Пермь, куда польские исследователи обычно не добираются.

Я сблизился с Эдвардом не на научном поприще, поскольку меня интересует польская история межвоенного периода. Нас сблизило то, что в те годы называлось общественной работой. Эдвард был общественно активным человеком, но не карьеристом, и потому к общественным поручениям польского землячества относился «без фанатизма». Для него ценность этой сферы деятельности главным образом заключалась в возможности расширить круг знакомств с интересными людьми и получить опыт делового взаимодействия с ними. А поскольку аналогичным образом смотрел на общественную деятельность и я, то мы очень легко нашли общий язык.

Надо сказать, что на моей памяти, в 1970–1980-е годы, на разных факультетах Московского университета училось немало польских

студентов и особенно аспирантов. Эти молодые люди не только постигали профессиональные премудрости, жили полнокровной студенческой жизнью, но и достаточно активно участвовали в общественной жизни МГУ через общество советско-польской дружбы, коллективным членом которого (существовала такая практика) являлся исторический факультет. И надо сказать, это было не формальное, а достаточно живое взаимодействие, особенно в 70-е гг. Интересные встречи устраивались с приезжавшими в Москву по делам известными польскими экономистами и политологами. Заполучать их в наш лекторий помогало посольство Польши в Москве. Каждый год в октябре во Дворце культуры МГУ проводилось торжественное заседание по случаю Дня Войска Польского, после которого демонстрировался какой-нибудь новый польский фильм, а польское кино тогда у нас знали и любили. Подлинной сенсацией стало выступление в МГУ известнейшего польского певца Чеслава Немана, приезжавшего в СССР на гастроли, которого нам удалось «заманить» в университет совершенно бесплатно.

В 80-е гг., в связи с известными польскими событиями, мероприятия стали более камерными, но общество дружбы продолжало свою работу. Интерес к Польше у студентов был достаточно велик. Вот на этом поприще я и сблизился с Эдвардом, который возглавил в землячестве эту работу. Постепенно наши деловые контакты переросли в дружбу, продолжавшуюся вплоть до его безвременной кончины.

В 1989 г. стало очевидным, что прежние каналы научного сотрудничества через министерские и ректоратские структуры перестали работать. Исторический институт Варшавского университета, наш традиционный партнер в Польше, практически свернул научное сотрудничество с МГУ, с другими польскими университетами у нас договоров не было. Лично для меня это был удар, я как раз кончал собирать материалы для докторской диссертации, и был очень заинтересован в доступе к польским архивам и библиотекам. И в этот момент Эдвард, как и я работавший над докторской диссертацией, но в Москве, предложил мне вместе «пробивать» договор о научном сотрудничестве, но не на уровне министерств или университетов, а между историческим факультетом МГУ и историческим институтом Лодзинского университета. В этом намерении его поддержали проректор Лодзинского университета профессор Вальдемар Михович и декан философско-исторического факультета профессор Веслав Путь, понимавшие ценность фондов московских и ленинградских библиотек и архивов для тех, кто занимается историей Польши, и не только. С нашей стороны за договор высказался мой декан академик Ю.С. Кукушкин, лично знакомый со многими польскими историками-русистами, в том числе и лодзинскими. Не буду рассказывать, сколько трудов каждому из нас стоило решение всяких сопутствующих подписанному договору проблем, особенно поиск денег на финансирование обмена. Помню, как на встрече в польском посольстве в Москве с заместителем министра образования Польши я буквально заставил его пообещать прилюдно дать

денег на наш обмен. К его чести, свое обещание он выполнил. Потом мы сумели поднять договор на межуниверситетский уровень, и он успешно работал до самого последнего времени.

Очень активно пользовались договором лодзинские коллеги, не одному из них поездки в МГУ помогли завершить важные научные проекты. В их числе были и маститые ученые, как, например, профессор Вальдемар Церан, и молодые исследователи, многие из которых впоследствии сделали научную карьеру. Удалось реализовать несколько совместных издательских проектов, каждые два года мы организовывали поочередно в Лодзи и Москве совместные научные конференции, материалы которых затем публиковались в виде сборников статей. Мы помогли установить достаточно тесные научные связи между политологами МГУ и Лодзи на почве взаимного интереса к политическим событиям в Польше и России. Московские историки также не раз с большой для себя пользой ездили в Лодзь, и каждого из них Эдвард окружал вниманием и заботой.

До начала 90-х гг. я почти не знал лодзинской исторической среды, разве что был немного знаком с В. Бортновским, Анджеем Лехом, Павлом Самусем и Павлом Хмелевским. Главным образом я сотрудничал с варшавскими историками. После декабря 1981 г. связи с Варшавой крайне ослабели, впервые, после 7-летнего перерыва, я побывал в Варшаве только в ноябре 1988 г. на большой конференции по случаю юбилея возрождения Польши, проходившей в Королевском замке. Была ужасная ноябрьская погода, город был плохо освещен, и впечатление у меня от этой поездки осталось не самое приятное.

Поэтому первая моя поездка в Лодзь поздней осенью 1990 г. вместе с моим коллегой Харисом Хайретдиновым трактовалась почти как путешествие в terra incognita. Тем более что Эдвард нас настойчиво предупреждал, чтобы мы ни в коем случае не сходили с поезда в Колюшках, хотя это и большая станция, а ехали до остановки Хойны (Калишский вокзал тогда перестраивали), хотя она, говорил он, будет выглядеть, как полустанок. Каковы же были наши радость и облегчение, когда, выйдя из теплого, ярко освещенного вагона поезда Москва-Прага в кромешную тьму и холод, мы увидели спешащего к нам широко улыбающегося Эдварда. И стало ясно, что теперь то мы не пропадем...

После этого я ездил в Лодзь практически каждый год, очень полюбил этот чудесный, хотя и изрядно запущенный его властями город. Мне всегда очень комфортно работалось в университетской библиотеке, кое-какие интересные материалы я «нарыл» в воеводском архиве. Но самое важное было в том, что Эдвард ввел меня в круг лодзинских историков. Я всегда с удовольствием вспоминаю своих еще живущих коллег и грущу по уже ушедшим в мир иной. Я никогда не чувствовал себя среди них чужаком. Они открыли мне новые стороны польского характера и познакомили с такими уголками своей родины, до которых я сам никогда бы не добрался, хотя имею привычку в каждый свой приезд в Польшу посетить хотя бы одно

место, в котором я еще не был. Чего стоили, например, наши поездки с В. Цераном на его раритетном «Мерседесе» в Опорув и Велюнь или с А. Лехом на его дачу. Но пусть живые коллеги простят меня великодушно, все же самым близким мне человеком в Лодзи был Эдвард.

Я никогда не забуду его человечности, теплоты, внимания, готовности прийти на помощь, того, как он тщательно, буквально по дням планировал каждое мое пребывание в Лодзи. А в 2016 г., когда я на два дня приехал в Лодзь с женой и внучкой, все было расписано им по минутам. С Эдвардом мне было очень легко, не было запретных тем для разговоров, не было ментальных преград.

Я всегда с удовольствием бывал у Эдварда дома, в котором царил совершенно необыкновенная атмосфера любви и взаимопонимания. Ради дорогих жены и дочерей он был готов, как у нас говорят, «расшибиться в лепешку». Я уже не говорю о переполнявшей Эдварда любви к внуку.

Невыразимо грустно, ужасно больно, когда из жизни уходят такие чудесные и достойные люди, как Эдвард Вишне夫斯基, крупный польский историк-русист и прекрасный друг и человек.

Геннадий Матвеев
Россия, Москва